

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.2)
EDN [CRMDWE](#)
УДК 316.7

С. Д. Лебедев¹

¹ Белгородский государственный национальный
исследовательский университет. Белгород, Россия

РЕЛИГИОЗНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Аннотация. В статье концептуально и эмпирически обосновывается изучение феномена мировоззренческой стратегии. Мировоззренческая стратегия определяется как осознанное, предполагающее длительную перспективу следование человека определённым комплексом базовых ценностных ориентаций и жизненных смыслов, переживаемых им как истина и благо. На примере комплекса религиозно-мировоззренческих стратегий российской молодёжи анализируется их количественная репрезентация и качественное содержание. Автором предлагается типология таких стратегий, включающая 6 таксонов: религиозные, атеистические, агностические, «духовные», эклектические и парадоксальные. Указанные идеальные типы религиозно-мировоззренческих стратегий содержательно верифицируются с помощью показателей, репрезентирующих три основные измерения мировоззрения: эмоционально-оценочное (ценности), когнитивное (представления) и деятельностное (практики). Показывается, что поле религиозно-мировоззренческих ориентаций российской молодёжи сегодня определяется стратегиями религиозного и эклектического характера, при некотором влиянии агностических, атеистических и парадоксальных ориентаций. Формулируются основные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: религиозно-мировоззренческие стратегии, жизненные стратегии молодёжи, молодёжь российских регионов, отношение к религии, смысложизненные установки

Для цитирования: Лебедев С. Д. Религиозно-мировоззренческие стратегии российской молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 26–40. DOI [10.19181/nko.2025.31.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.2). EDN [CRMDWE](#).

Введение. Изучение жизненных стратегий молодёжи представляет актуальное и перспективное направление социологических исследований, получившее развитие в последнее десятилетие. В целом период молодости (от 14 до 30–35 лет) можно считать временем кристаллизации фундаментальных ориентиров поколения, которые в значительной мере определяют жизнь общества на стратегическую перспективу в несколько десятилетий. Социологами изучаются социальные, экономические, политические, демографические, образовательные, самосохранительные стратегии молодых людей [1; 2; 3].

В этом ряду значимое и в известном смысле особое место занимают мировоззренческие стратегии. Мировоззрение — очень весомое измерение субъектности, определяющее направленность и качество ключевых жизненных решений. Молодёжный возраст — время интенсивной саморефлексии, первой значительной переоценки ценностей и «обкатки» мировоззренческих ориентаций. Если с базовым комплексом ценностей основная масса людей, как правило, определяется к 18–20 годам [4, с. 48], то конкретные позиции миропонимания и определения своего места в реальности через выстраивание сложно-составной структуры идентичностей формируются ещё довольно длительное

время, проходя испытание новыми ролями, функциями (семья, профессия) и жизненными кризисами.

Множественность, полифоничность типов мировоззрений, сложность и многофакторность путей их формирования, противоборство тенденций системной самоорганизации и эклектической фрагментации делает изучение мировоззренческого измерения общественного сознания одним из значимых проблемных направлений исследований. В многомерном смысловом пространстве мировоззренческих ориентаций особое место занимают ориентации, связанные с оценкой и осмыслением религиозных ценностей и установок, динамика которых определяется конкуренцией религиозных и секулярных мировоззренческих акторов [5, с. 66]. Применение к данному полю исследований концепта «стратегии» представляется эвристичным для ситуации современности с её доминантами рефлексивности, процессуальности, множественности и персонализированного выбора.

Методология и методы. Мировоззрение мы условимся понимать как «ценностно-смысловое ядро образа мира, несущее на себе отпечаток личностных особенностей человека; знания о мире образуют при этом сплав с убеждениями, не всегда отчётливыми представлениями и бессознательными схематизмами и стереотипами. Содержащаяся в М. система идеалов задаёт представления о том, каким мир должен быть или стать, и служит критерием оценки существующего положения вещей. М. человека выступает основой при выборе мотивов, формировании планов и постановке жизненных целей»¹. За основу дефиниции жизненной стратегии примем определение Ю. А. Зубок, согласно которому она являет собой «идеализированное отражение будущего жизненного пути вступающих в жизнь молодых граждан» [6, с. 147]. Рамку понимания мировоззренческой стратегии молодёжи образуют следующие три концепции.

1. Концептуальное положение Э. Гидденса о биографии современного человека как его рефлексивном проекте. «В основе самоидентичности в условиях современной жизни лежит автобиографическое повествование» [7, с. 58]. Последнее может рассматриваться как персональная стратегия жизненного пути. В соответствии с этим подходом ключевые направления и аспекты жизненных ориентаций личности тоже могут быть представлены как её проекты «конструирования» самой себя в соответствующих измерениях и подпространствах жизненного мира. Выстраивание человеком собственного мировоззрения в соответствии с выбранными им ключевыми ориентирами имеет характер такого проекта.

2. Положение «социологии жизни» Ж. Т. Тощенко, согласно которому основополагающим для человеческого жизненного проекта является поиск смысла жизни, который «направлен на открытие онтологических оснований собственного бытия» [8, с. 199]. Смысл жизни означает осознание цели-принципа, учитывающего ценностные ориентации и установки, и активное участие в его реализации [8, с. 202]. Поиск, осознание и утверждение этого смысла является мотивацией и основной задачей мировоззренческой стратегии личности. Здесь важно замечание Н. А. Селивёрстовой и Ю. А. Зубок о том, что регулирующий потенциал жизненных смыслов «имеет терминальные основания. Отдельные терминальные ценности (познание, любовь, семья и т.д.) могут совпадать со смыслами жизни» [9, с. 131].

¹ Леонтьев Д. А. Мировоззрение // Большая российская энциклопедия. Т. 20. М., 2012. С. 437. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2217191> (дата обращения: 20.06.2025).

3. Положение Ч. Тейлора о множественном характере современных мировоззренческих позиций, где отправной точкой диверсификации мировоззрений выступают религия и её критика. Согласно концепции Тейлора, «модерное миропонимание не отрицает существования Бога и иных духов, но выносит подобные верования в такую область, где они становятся открытыми для сомнения, оспаривания, опосредующих объяснений и т.п.» [10, с. 40]. Наивный выбор какой-либо позиции «по умолчанию» становится практически невозможен [10, с. 16]. Такой выбор осуществляется человеком рефлексивно и в дальнейшем поддерживается определёнными усилиями, подкрепляющими и углубляющими соответствующие убеждения, что может рассматриваться как реализация мировоззренческой стратегии.

Исходя из приведённых выше определений и охарактеризованных теоретико-методологических подходов, *мировоззренческая стратегия* — это осознанное, предполагающее длительную перспективу следование человека определённому комплексу базовых ценностных ориентаций и жизненных смыслов, переживаемых им как истина и благо. В основу каждой такой стратегии положен единый принцип, направляющий ценностную и смысловую рефлексию личности и конфигурирующий соответствующие структуры сознания определённым, отличным от других, образом. Стратегии в течение жизни могут меняться, но в каждый её конкретный момент человек склоняется к конкретному варианту мировоззренческой ориентации. В религиозно-мировоззренческой стратегии референтом, в отношении которого происходит позиционирование субъекта, выступает религия («отношение к религии» понимается здесь как осмысленная позиция личности/группы в соотношении ею себя с комплексом социально значимых проявлений религиозного характера [11, с. 70]).

В первом приближении мы имеем достаточные основания предложить следующую типологию основных современных религиозно-мировоззренческих стратегий. Каждый из представленных типов являет собой укрупнённый таксон, включающий несколько сходных разновидностей (например, в случае стратегий религиозного типа — это набор конфессиональных версий мировоззрения). К ним могут быть отнесены:

Религиозные — ориентированные на сверхценность (сакральный характер) сверхъестественного начала, понимаемого в рамках конкретной вероисповедной традиции. Религиозная мировоззренческая стратегия предполагает следование соответствующей религии и конфессии как комплексному ориентиру для выстраивания собственного образа мысли и образа жизни. В опроснике ей соответствует позиция (вариант ответа) «Я активно слеую определённой религии и принимаю её учения и обряды».

Атеистические — ориентированные на убеждение в отсутствии сверхъестественного начала в какой бы то ни было его версии. В данном случае предполагается «расширенная» версия атеизма, как правило, тесно сопряжённая с материалистическими и рационалистическими ориентациями [12, с. 14]. В опроснике ей соответствует позиция «Я отвергаю религиозные учения и взгляды».

Агностические — ориентированные на принципиальную непознаваемость существования либо не существования сверхъестественного, с допущением как той, так и другой возможности. Соответствующие стратегии мировоззрения тесно связаны с рационализмом и сциентизмом. В опроснике им соответствует позиция «Я не уверен(-а) в существовании божеств и считаю, что это невозможно доказать».

«*Духовные*» — ориентированные на ценность веры в сверхъестественное начало при отрицании истинности любых конфессиональных версий его представления (ложность «готовых форм»). Е. Д. Руткевич относит сюда «неформальные и неортодоксальные практики и организации, личный опыт, индивидуальное творчество, “рынок религиозных/духовных товаров”, религиозные дискурсы», для чего науке «потребовалась отличная от “религии” концептуализация» [13, с. 41]. В опроснике данной группе стратегий соответствует позиция «Я ищу личный смысл жизни и связь с высшими силами, не привязываясь к конкретной религии».

Эклектические — ориентированные на ценность веры в сверхъестественное начало при частичном и избирательном признании конфессиональных форм его представления (конструирование «собственной традиции»). Как диагностирует Д. Эрвье-Леже, «сегодня индивиды “пишут” свои религиозные нарративы, используя понятия и символы, которые “выпали” из неких устойчивых систем смыслов, связанных с той или иной многовековой религиозной традицией» [14, с. 255]. В опроснике этим стратегиям соответствует позиция «Я творчески комбинирую элементы различных философских и религиозных традиций в своём мировоззрении».

Парадоксальные — ориентированные на ценность религии/конфессии как таковой или её отдельных проявлений (культурных, гражданских, политических) при отсутствии ориентации на ценность сверхъестественного начала [15, с. 356–361]. Здесь религиозный *sacrum* выступает «ценностью инструментальной, как “стабилизатор” — средство для достижения цели» [16, с. 354]. Данный тип стратегий формируется в светской системе мировоззренческих координат и являет собой результат парадоксального перевода религиозных ценностей на секулярный язык модерна (который, по формулировке П. Донати, «не имеет, не представляет и не может предложить адекватного символического комплекса для трактовки реальности Бога и представления о Нём» [17, с. 174]. В опроснике ему соответствует позиция «Я ценю некоторые аспекты религиозной традиции, хотя не верю в Бога и сверхъестественные силы».

Соответствующие формулировки берутся при анализе данных в качестве вариаций независимой переменной, представленной в анкете в форме закрытого вопроса «Как Вы воспринимаете религиозные учения и традиции?».

Главным методом сбора и анализа эмпирической информации выступило массовое анкетирование молодёжи 13 российских регионов, входящих в 4 федеральных округа, с последующей статистической обработкой данных в программе SPSS. Опрос был проведён лабораторией «Социология религии, культуры и коммуникаций» НИУ «БелГУ» посредством электронной Яндекс-формы в апреле — мае 2025 г. среди молодых людей 14–34 лет по квотной выборке ($n=601$), нормированной по признакам пола (М/Ж) и возраста (14–18, 19–24, 25–29 и 30–34 полных лет). Основную часть выборочной совокупности составила молодёжь Белгородской области, Свердловской области, Республики Татарстан и Тюменской области.

Структура и консолидированность религиозно-мировоззренческих стратегий в молодёжной среде. Статистическое распределение ответов на вопрос «Как Вы воспринимаете религиозные учения и традиции?» показало, что в сознании современной российской молодёжи предположительно присутствуют все шесть основных мировоззренческих стратегий (см. табл. 1). Наиболее часто

встречаются стратегии «религиозные»: соответствующую формулировку ответа выбрали почти 1/3 респондентов. На втором месте «эклектические» стратегии: «творчески комбинировать» элементы различных традиций склонны 19,0% опрошенных молодых людей. Третье место — по 14,8% — поделили приверженцы «агностических» и духовных» стратегий. Четвёртое место заняли атеисты (10,0%), и пятое, с незначительным отрывом от них, досталось «парадоксалистам» (9,3%).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос
«Как Вы воспринимаете религиозные учения и традиции?», %

Ранг	Значения	Соответствующая стратегия	% от числа ответивших
1	Я активно слеую определённой религии и принимаю её учения и обряды	Религиозная	31,8
2	Я творчески комбинирую элементы различных философских и религиозных традиций в своём мировоззрении	Эклектическая	19,0
3	Я не уверен(-а) в существовании божеств и считаю, что это невозможно доказать	Агностическая	14,8
3	Я ищю личный смысл жизни и связь с высшими силами, не привязываясь к конкретной религии	«Духовная»	14,8
4	Я отвергаю религиозные учения и взгляды	Атеистическая	10,0
5	Я ценю некоторые аспекты религиозной традиции, хотя не верю в Бога и сверхъестественные силы	Парадоксальная	9,3
Итого ответивших:			100,0

Рассмотрим далее содержательное наполнение каждого типа стратегий. В качестве зависимых переменных были отобраны несколько показателей, репрезентирующих три основные измерения мировоззрения: эмоционально-оценочное (ценности), когнитивное (представления) и деятельностное (практики). С учётом религии, как ключевого референта, эмоционально-оценочное измерение представлено ценностным отношением к религиозной вере, когнитивное — восприятием идеи «жизни после смерти», деятельностное — характером вовлечённости в культовые практики (религиозные ритуалы и обряды). Критерием подтверждённости социального факта мировоззренческой стратегии представляется соответствие её содержания минимум двум показателям из трёх, логически соответствующих ей.

1. *Ценностная рефлексия религиозной веры.* Согласно нашей методологической концепции, она выступает ключевой характеристикой отношения субъекта к религии [18, с. 91–92; 19, с. 138–140; 20, с. 7]. Терминальный характер ценностной ориентации на веру в сверхъестественное начало с очень большой ве-

роятностью указывает на религиозный выбор личности; её инструментальный характер — на прагматическое, секулярное в своей основе осмысление религии как социально одобряемого и функционально «полезного» явления; отсутствие такой ценностной ориентации свидетельствует об арелигиозном, сугубо светском состоянии сознания. Эпизодический, или «вероятностный», характер, когда религиозная вера воспринимается как то, что «может пригодиться», может говорить о ценностно неустойчивом отношении к религии, когда потенциальный выбор может быть сделан как в сторону секулярных, так и в сторону религиозных ценностей и воззрений. К этим четырём основным позициям была добавлена версия «очень значима, но без привязки к догмам каких-либо религий», соответствующая «духовной» мировоззренческой ориентации.

Данные сопряжённости показателей мировоззренческого самоопределения респондентов в отношении религии и ценностной рефлексии ими религиозной веры приведены в таблице 2.

Таблица 2

Сопряжённость ответов на вопросы «Как Вы воспринимаете религиозные учения и традиции?» и «Насколько значима для Вас в Вашей жизни религиозная вера?», %

Религиозная вера	Показатели мировоззренческого самоопределения (тип стратегии)					
	Активно следуя определённой религии (религиозная)	Творчески комбинирую (эклектическая)	Ищу личный смысл (духовная)	Не уверен(-а) (агностическая)	Отвергаю религиозные взгляды (атеистическая)	Цено некоторые аспекты (парадоксальная)
Одна из важнейших	79,1	9,6	11,2	5,6	11,7	3,6
Значима для...	6,8	22,8	23,6	10,1	6,7	16,1
Может оказаться значимой	9,4	39,5	32,6	40,4	15,0	39,3
Очень значима без привязки	3,1	19,3	18,0	12,4	10,0	3,6
Совершенно не значима	1,0	8,8	14,6	30,3	55,0	37,5
Другое	0,5	0,0	0,0	1,1	1,7	0,0
Всего	100	100	100	100	100	100

Среди предполагаемых представителей религиозного типа мировоззренческих стратегий о терминальном для себя характере религиозной веры («значима как одна из важнейших ценностей») заявили почти 4/5 — 79,1% опрошенных. Из числа оставшихся 9,4% выбрали «бифуркационный» вариант: «может оказаться значимой»; ещё 6,8% в отношении религиозной веры оказались «инструменталистами» («значима для нравственного поведения, гражданского согласия, воспитания, сохранения и развития культуры»). В рамках статистической погрешности оказались варианты ответов «очень значима, но без привязки к догмам каких-либо религий» (3,1%) и «совершенно не значима» (1,0%).

Противоположная религиозной — атеистическая — мировоззренческая ориентация обнаружила заметно большие расхождения на уровне ценностных ориентаций. 55,0% «отвергающих религиозные учения и взгляды» выбрали в отношении религиозной веры логически наиболее ожидаемый вариант «совершенно не значима». Однако, помимо этого, для 15,0% молодых «атеистов» религиозная вера «может оказаться значимой»; ещё для 11,7% она выступает «одной из важнейших» (!) ценностей; для 10,0% — «очень значима, но без привязки к догмам каких-либо религий» и для ещё 6,7% «значима для нравственного поведения, гражданского согласия, воспитания, сохранения и развития культуры». Если последний вариант вписывается в логику секуляристского подхода (атеист вполне может признавать полезными и одобрять конкретные функциональные проявления религиозной жизни, не разделяя соответствующего мировоззрения), то более 20% других «отвергающих религиозные учения и взгляды» делают это сугубо декларативно, фактически обнаруживая религиозные или «духовные» ориентации. Ещё 15% допускают возможную значимость для себя религиозной веры, что говорит об открытости их выбора в будущем.

Ценностные позиции «агностиков» распределились следующим образом. 40,4% молодых людей, выбравших вариант «не уверен(-а) в существовании божеств и считаю, что это невозможно доказать», полагают, что религиозная вера для них «может оказаться значимой», а для 30,3% она «совершенно не значима». Ещё 12,4% предполагаемых сторонников этой стратегии фактически обнаружили «духовную» ориентацию («очень значима, но без привязки к догмам каких-либо религий») и 10,1% — «инструментальную» ориентацию на религиозную веру; интересно, что для 5,6% эта ценность выступила «одной из важнейших».

Молодые люди, предположительно выбравшие «духовные» стратегии, также придерживаются существенно различных ценностных ориентаций в отношении религиозной веры. Для трети из них (32,6%) последняя «может оказаться значимой»; для почти четверти (23,6%) она носит характер инструментальной ценности. Только 18,0% из них выбрали вариант «очень значима, но без привязки к догмам каких-либо религий», логически соответствующий собственно «духовной» установке. Ещё для 14,6% религиозная вера не имеет ценности («совершенно не значима»), и для сопоставимого количества (11,2%) — напротив, является «одной из важнейших».

Для подгруппы «эклектиков», творчески комбинирующих в своём мировоззрении нравящиеся им элементы религиозных и мировоззренческих традиций, в 39,5% случаев религиозная вера также «может оказаться значимой»; ещё 22,8% в отношении неё оказались «инструменталистами». 19,3% определили её для себя как «очень значимую, но без привязки к догмам каких-либо религий»; 9,6% — как «одну из важнейших» и 8,8% — как «совершенно не значимую».

Наконец, категория «парадоксалистов» в их подавляющем большинстве почти поровну поделилась на тех, для кого религиозная вера «может оказаться значимой» (39,3%) и тех, для кого она «совершенно не значима» (37,5%). Только 16% из них, вопреки ожиданиям, в отношении этой ценности оказались «инструменталистами», выбрав вариант «значима для нравственного поведения, гражданского согласия, воспитания, сохранения и развития культуры». Остальные варианты набрали каждый статистически незначительное количество в 3,6%.

Приведённые цифры характеризуют саморефлексию религиозной мировоззренческой подгруппы как в целом осознанную и последовательную, ценностно фундированную в необходимой и достаточной степени, чтобы говорить о ре-

лигиозной мировоззренческой стратегии как факте её сознания. Атеистическая подгруппа представляется имеющей «твёрдое ядро» в лице своего абсолютного большинства, хотя, в сравнении с религиозной, менее последовательной и ценностно консолидированной. В основе агностических мировоззренческих стратегий прослеживаются две логически соответствующие им ценностные платформы: «вероятностная» («бифуркационная»), допускающая возможность религиозного обращения, и «арелигиозная», где любая мотивация к религии отсутствует; также присутствует инструментальная позиция, когда религиозная вера «значима для» других ценностей. Сходную ситуацию демонстрирует подгруппа «эклектиков», среди которых почти 30% ценностно ориентированы на религиозную веру и почти 40% допускают свой мировоззренческий поворот в эту сторону. Парадоксальные стратегии на уровне ценностной рефлексии продемонстрировали большое сходство с агностическими, её основание составили «вероятностная» и «арелигиозная» платформы при некотором влиянии «инструментальной». Наименее ценностно оторефлексированным и консолидированным оказался «духовный» тип мировоззренческих стратегий.

2. *Когнитивный критерий — «жизнь после смерти»*. Соответствующий индикатор оценочного отношения к «сверхчувственной и сверхразумной» (П. А. Сорокин) реальности, находящейся за пределами общепризнанного чувственно и рационально постигаемого мира, выбран как более «чувствительный» по сравнению с самооценкой «веры в Бога», «существование ада и рая» и некоторыми другими формулировками вопроса. Д. Е. Фурман и К. Каарияйнен справедливо отмечали, что «взятое вне конкретных систем религиозных верований, понятие Бога становится предельно неопределённым и соответственно, и ответ “да” на вопрос, верите ли Вы в Бога, становится относительно простым» (22, с. 45). Аналогичное можно утверждать в отношении таких меметических понятий, как рай, ад, бессмертие души, которые имеют не только многообразные «потусторонние», но и вполне позитивистские интерпретации. Данные сопряжённости показателей мировоззренческого самоопределения респондентов в отношении религии и отношения их к вопросу «жизни после смерти» приведены в таблице 3.

Из представителей религиозного типа мировоззренческих стратегий 67,5% выбрали ответ «я верю в жизнь после физической смерти и принимаю конкретное вероучение об этом». 14,7% из них «не знают, есть ли жизнь после смерти, и считают это вопросом без окончательного ответа». Ещё 7,3% «рассматривают различные взгляды на жизнь после смерти и выбирают те, которые им близки»; 5,2% «верят в продолжение духовного существования, но не связывают это со стереотипами конкретной религии» и 4,2% «не верят в жизнь после смерти и считают это мифом».

Представители атеистических стратегий в относительном большинстве (46,7%) выбрали логически соответствующий вариант: «Я не верю в жизнь после смерти и считаю это мифом». Но при этом значительные доли среди них выбрали агностический и религиозный ответы: «Я не знаю, есть ли жизнь после смерти, и считаю это вопросом без окончательного ответа» — 28,3% и «я верю в жизнь после физической смерти и принимаю конкретное вероучение об этом» — 18,3%.

Более последовательными в когнитивном плане оказались «агностики». Абсолютное большинство из них — 51,7% — выбрали логически соответствующий агностической установке вариант «я не знаю, есть ли жизнь после смерти, и считаю это вопросом без окончательного ответа». Ещё 21,3% «не верят в жизнь после физической смерти и считают это мифом», 13,5% «рассматривают различные взгляды на жизнь после смерти и выбирают те, которые им близки».

Таблица 3

Сопряжённость ответов на вопросы «Как Вы воспринимаете религиозные учения и традиции?» и «Как Вы воспринимаете вопрос жизни после смерти?», %

«Жизнь после смерти»	Показатели мировоззренческого самоопределения (тип стратегии)					
	Активно слеую определённой религии (религиозная)	Творчески комбинирую (эклектическая)	Ищу личный смысл (духовная)	Не уверен(-а) (агностическая)	Отвергаю религиозные взгляды (атеистическая)	Ценю некоторые аспекты (парадоксальная)
Я верю и принимаю вероучение	67,5	14,0	9,0	6,7	18,3	3,6
Я рассматриваю и выбираю	7,3	21,9	22,5	13,5	1,7	17,9
Я верю, но не связываю	5,2	13,2	25,8	3,4	3,3	14,3
Я не знаю, есть ли жизнь после смерти	14,7	42,1	30,3	51,7	28,3	39,3
Я не верю в жизнь после смерти и считаю это мифом	4,2	7,9	11,2	21,3	46,7	25,0
Другое	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего	100	100	100	100	100	100

Соответствующая «духовным» стратегиям подгруппа на 30,3% представлена «не знающими, есть ли жизнь после смерти, и считающими это вопросом без окончательного ответа», лишь на 25,8% — «верящими в продолжение духовного существования, но не связывающими это со стереотипами конкретной религии», и на 22,5% теми, кто «рассматривают различные взгляды на жизнь после смерти и выбирают те, которые им близки». Ещё 11,2% из неё выбрали ответ «я не верю в жизнь после смерти и считаю это мифом» и 9,0% — «я верю в жизнь после физической смерти и принимаю конкретное вероучение об этом».

Подгруппа «эклектиков» в 42,1% случаев выбрала агностический вариант «Я не знаю, есть ли жизнь после смерти, и считаю это вопросом без окончательного ответа»; вдвое меньше (21,9%) продемонстрировали выбор собственно эклектической формулировки: «я рассматриваю различные взгляды на жизнь после смерти и выбираю те, которые мне близки». Ещё 14,0% из них «верят в жизнь после физической смерти и принимают конкретное вероучение об этом», и 13,2% «верят в продолжение духовного существования, но не связывают это со стереотипами конкретной религии».

Представители «парадоксальных» стратегий в 39,3% случаев предпочли агностический («Я не знаю, есть ли жизнь после смерти, и считаю это вопросом без окончательного ответа») и в 25,0% случаев — арелигиозный («я не верю в жизнь после физической смерти и считаю это мифом») варианты ответа. Остальные поделились в основном между вариантами «рассматриваю раз-

личные взгляды на жизнь после смерти и выбираю те, которые мне близки» — 17,9% и «верю в продолжение духовного существования, но не связываю это со стереотипами конкретной религии» — 14,3%.

В соответствии с когнитивным критерием, «религиозная» подгруппа опрошенных в целом подтвердила осознанность и последовательность своей мировоззренческой установки. Атеистическая подгруппа также подтвердила наличие «твёрдого ядра» своего мировоззрения, при относительно меньшей последовательности и консолидированности в сравнении с религиозной стратегией. Это же следует констатировать в отношении представителей агностических стратегий, а также «эклектиков» и «парадоксалистов», основная часть которых представляют две различные когнитивные платформы. Представления же «духовно» ориентированных молодых людей, как и в случае с ценностным критерием, видятся нам наиболее противоречивыми и неконсолидированными.

3. Деятельностный критерий — религиозные ритуалы. Вовлечённость в институционализированные культовые религиозные практики традиционно рассматривается в социологии религии как принципиально значимый показатель степени религиозности / религиозной активности / «воцерковлённости» личности [21, с. 54; 20, с. 14]. К другим типам мировоззренческих стратегий также могут быть подобраны логически соответствующие им варианты отношения к таким практикам. Данные сопряжённости показателей мировоззренческого самоопределения респондентов в отношении религии и отношения их к ритуально-обрядовым религиозным практикам приведены в таблице 4.

Таблица 4

Сопряжённость ответов на вопросы «Как Вы воспринимаете религиозные учения и традиции?» и «Как Вы относитесь к обрядам и ритуалам, связанным с религией?», %

Ритуалы	Показатели мировоззренческого самоопределения (тип стратегии)					
	Активно слеую определённой религии (религиозная)	Творчески комбинирую (эклектическая)	Ищу личный смысл (духовная)	Не уверен(-а) (агностическая)	Отвергаю религиозные взгляды (атеистическая)	Ценю некоторые аспекты (парадоксальная)
Важны, активно участвую	64,4	3,5	6,7	1,1	8,3	3,6
Выбираю близкие	10,5	33,3	27,0	11,2	13,3	19,6
Нахожу смысл в некоторых	5,8	12,3	18,0	2,2	1,7	12,5
Не знаю, но открыт(-а)	13,6	39,5	31,5	60,7	26,7	32,1
Считаю ненужными	3,1	9,6	12,4	23,6	50,0	30,4
Другое	2,6	1,8	4,5	1,1	0,0	1,8
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Молодые люди, склонные к религиозным мировоззренческим стратегиям, в абсолютном большинстве — 64,4% — выбрали логически соответствующий вариант «они (ритуалы) важны для меня, и я активно участвую в них». Ещё 13,6% из них «не знают, имеют ли они (ритуалы) действительное значение, но открыты к обсуждению» и 10,5% «выбирают те ритуалы, которые им близки и нравятся, независимо от их источника».

Представители атеистических стратегий на 50,0% ожидаемо «считают их (ритуалы) ненужными и не принимают участия в таких ритуалах». Ещё 26,7% «не знают, имеют ли они действительное значение, но открыты к обсуждению», и 13,3% «выбирают те ритуалы, которые близки и нравятся, независимо от их источника».

Позиции «агностиков» в их абсолютном большинстве — 60,7% — описываются логически соответствующей формулировкой «не знаю, имеют ли они действительное значение, но открыт(-а) к обсуждению». Ещё 23,6% этой подгруппы «считают их (ритуалы) ненужными и не принимают участия в таких ритуалах».

«Духовные» мировоззренческие стратегии на треть представлены теми, кто «не знают, имеют ли они (ритуалы) действительное значение, но открыты к обсуждению» (31,5%). 27,0% «выбирают те ритуалы, которые близки и нравятся, независимо от их источника», и 18,0% респондентов этой подгруппы «находят в некоторых ритуалах глубокий смысл, даже если они не связаны с определённой религией». Ещё 12,4% «считают их (ритуалы) ненужными» и не принимают участия в них. При всей разнородности этих ориентаций, все они, так или иначе, могут считаться соответствующими «духовной» мировоззренческой установке.

Подгруппа «эклектиков» склонна выбирать варианты ответов «не знаю, имеют ли они (ритуалы) действительное значение, но открыт(-а) к обсуждению» (39,5%) и «выбираю те ритуалы, которые мне близки и нравятся, независимо от их источника» (33,3%). Ещё 12,3% из них «находят в некоторых ритуалах глубокий смысл, даже если они не связаны с определённой религией», и 9,6% «считают их (ритуалы) ненужными» и не принимают в них участия.

Наконец, представители парадоксальных стратегий в отношении к институциональным религиозным культовым практикам также в основном поделились между теми, кто «не знает, имеют ли они действительное значение, но открыты к обсуждению» (32,1%) и теми, кто «считают их (ритуалы) ненужными и не принимают участия в таких ритуалах» (30,4%). Ещё 19,6% этой подгруппы «выбирают те ритуалы, которые близки и нравятся, независимо от их источника».

Критерий отношения к институциональным религиозным практикам также в целом подтвердил осознанность и последовательность мировоззренческой установки «религиозной» подгруппы опрошенных и подгруппы «агностиков», а также наличие «твёрдого ядра» мировоззрения, при относительно меньшей последовательности и консолидированности, у подгруппы «атеистов». В отношении представителей агностических стратегий, а также «эклектиков» и «парадоксалистов» подтвердилась множественность ориентаций, тяготеющая к бинарности. «Духовная» подгруппа тоже обнаружила поливариантность отношения к ритуальной стороне религии с той оговоркой, что все эти варианты логически с ней совместимы.

Таким образом, можно говорить о том, что в первом приближении социальным фактом можно считать наличие в молодёжном сознании религиозных, эклектических, агностических, атеистических и парадоксальных мировоззренческих стратегий. В качественном отношении религиозно-мировоззренческие стратегии российской молодёжи делятся на две категории. Первую характеризуют

мировоззренческие установки с выраженной по всем показателям доминантой: таковы религиозные, атеистические и агностические стратегии. Из них наиболее осмысленными и консолидированными выступают стратегии религиозной группы; к ним близки показатели «агностиков»; атеистические установки несколько более размыты и противоречивы. Вторую категорию стратегий характеризуют множественные установки, смысловое основание которых составляют различные, сопоставимые по влиянию, платформы ценностей, представлений и практик. К ним относятся эклектические и парадоксальные стратегии. Эти стратегии предположительно менее устойчивы, и в перспективе их последователи могут перейти на более определённые и целостные позиции. «Духовные» мировоззренческие стратегии по двум критериям из трёх не обнаружили достаточной степени консолидированности и внутренней последовательности, кроме того, по всем содержательным параметрам характеристики установок этой подгруппы близки к эклектическим; их статус как самостоятельного социального факта пока не может считаться подтверждённым. В количественном плане относительно преобладают стратегии религиозные и эклектические (в сумме более 50%); заметные ниши занимают атеистические, агностические и парадоксальные стратегии.

Заключение. По итогам нашего исследования выяснилось, что в сознании молодых граждан России предположительно присутствуют все 6 типов религиозно-мировоззренческих стратегий; из них наиболее (и с большим отрывом от остальных) распространены стратегии собственно религиозного типа (31,8%), наименее — стратегии атеистического (10,0%) и парадоксального (9,3%) типа. Вторую ранговую позицию заняли эклектические стратегии (19,0%); третью позицию поделили агностические и «духовные» стратегии (по 14,8%).

В содержательном плане религиозно-мировоззренческие стратегии российской молодёжи поделились на те, которые характеризуются выраженной доминантой (религиозные, атеистические и агностические стратегии) и те, основание которых составляют сопоставимые по влиянию ценности, представления и практики (эклектические и парадоксальные стратегии). Из них наиболее осмысленными и консолидированными выступают стратегии религиозно ориентированной группы. «Духовные» стратегии не подтвердили статус самостоятельного социального факта, по всем показателям тяготея к эклектической установке.

В целом, поле религиозно-мировоззренческих ориентаций российской молодёжи сегодня определяется стратегиями религиозного и эклектического характера, при некотором влиянии агностических, атеистических и парадоксальных ориентаций. Потенциально количественные и качественные соотношения между ними обещают сложную и поливариантную динамику мировоззренческих переходов. Ближайшими задачами социологических исследований в данном поле представляются уточнённое и полное описание каждой из стратегий с применением количественных и качественных методов, проверка гипотезы их сравнительной устойчивости и составление социального портрета последователей каждой из них.

Библиографический список

1. Кисленко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути или каким молодёжь видит свое будущее? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 83–94. DOI [10.31857/S013216250024385-6](https://doi.org/10.31857/S013216250024385-6). EDN [ODCAGO](https://www.edn.ru/ODCAGO).
2. Шаповалова И. С. Общественные стратегии региональной молодёжи: ответ на вызовы сложного времени // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 4(153). С. 73–83. DOI [10.17922/2071-3665-2024-23-4-73-83](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-4-73-83). EDN [BSMHRE](https://www.edn.ru/BSMHRE).

3. Шаповалова И. С. Стратегии самореализации региональной молодежи: диспозиции, жизненные планы и стратификация // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20, № 1(97). С. 124–142. DOI [10.22394/2071-2367-2025-20-1-124-142](#). EDN [YYKEUN](#).
4. Динамика ценностей населения реформируемой России / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, Н. Ф. Наумова, А. Г. Здравомыслов. М. : УРСС, 1996. 224 с. EDN [OSRDLL](#).
5. Богатова О. А., Чуйкова О. Г. Динамика религиозности провинциального студенчества // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 63–84. DOI [10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-5](#). EDN [JYLSRK](#).
6. Зубок Ю. А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1. С. 147–162. EDN [YLZCTN](#).
7. Гидденс Э. Последствия Современности. М.: Праксис, 2011. 352 с. ISBN 978-59015-7490-4.
8. Тощенко Ж. Т. Социология жизни: поиск ответов на научные и общественные вызовы // Социологическая мозаика-2018 / А. В. Дмитриев, В. Н. Иванов, Ж. Т. Тощенко. М. : КноРус, 2018. С. 147–221. EDN [YLDIEH](#).
9. Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А. Религиозная идентичность в смысловой саморегуляции молодёжи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 127–144. DOI [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10](#). EDN [ORQFED](#).
10. Тейлор Ч. Секулярный век. М. : ББИ, 2017. 967 с. ISBN 978-5-89647-307-7.
11. Шаповалова Л. В. Отношение к религии: социологические контексты анализа // Социология религии в обществе позднего модерна. 2022. Т. 11. С. 68–76. EDN [VIGMOC](#).
12. Кублицкая Е. А. Методолого-методический анализ соотношения религиозной и конфессиональной самоидентификаций (на примере изучаемых субъектов РФ) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 11–27. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2](#). EDN [XIPWEA](#).
13. Руткевич Е. Д. «Социология духовности»: проблема становления // Вестник Института социологии. 2014. № 2(9). С. 36–65. EDN [SGIVRT](#).
14. Эрве-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2015. Т. 33, № 1. С. 254–268. EDN [UIXFLH](#).
15. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити, 2008. 543 с. EDN [QONCJV](#).
16. Лем С. Философия случая. М. : АСТ, 2007. ISBN 978-5-9762-3132-0.
17. Донати П. Реляционная теория общества: Социальная жизнь с точки зрения критического реализма. М. : ПСТГУ, 2019. ISBN 978-5-7429-1200-2.
18. Лебедев С. Д. Парадоксы религиозности в мире Позднего Модерна // Социологические исследования. 2010. № 12(320). С. 85–93. EDN [NCHJLH](#).
19. Лебедев С. Д. Ценностно-рефлексивный (системно-динамический) подход к обоснованию критерия современной религиозности // Секуляризация в контексте религиозных изменений современного общества : сб. ст. / Под ред. С. Ю. Глазьева, С. В. Рязанцева, Е. А. Кублицкой. М. : Экон-Информ, 2018. С. 129–143. EDN [VSRYLS](#).
20. Кублицкая Е. А., Лебедев С. Д. Религиозная ситуация в Белгородской области (мониторинговые исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. С. 160–180. EDN [KFNWNN](#).
21. Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каарияйнена, Д. Фурмана. М.; СПб : Летний сад, 2007. 399 с. EDN [QUFDAF](#).

Поступила: 24.06.2025. Доработана: 29.07.2025. Принята: 06.08.2025.

Сведения об авторе:

Лебедев Сергей Дмитриевич, кандидат социологических наук, доцент, руководитель лаборатории «Социология религии, культуры и коммуникаций» кафедры социологии и организации работы с молодёжью Института общественных наук и массовых коммуникаций (ИОНиМК), Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, Россия.

serg_ka2001-dar@mail.ru

Author ID РИНЦ: 250950; ORCID: 0000-0002-2545-4055

S. D. Lebedev¹¹ Belgorod State University. Belgorod, Russia

RELIGIOUS AND WORLDVIEW STRATEGIES OF RUSSIAN YOUTH

Abstract. The article conceptually and empirically substantiates the study of the phenomenon of worldview strategy. Worldview strategy is defined as a conscious, long-term adherence of a person to a certain set of basic value orientations and life meanings experienced by him as truth and good. Using the example of a set of religious and worldview strategies of Russian youth, their quantitative representation and qualitative content are analyzed. The author proposes a typology of such strategies, including 6 taxa: religious, atheistic, agnostic, "spiritual", eclectic and paradoxical. The specified ideal types of religious and worldview strategies are meaningfully verified using indicators representing three main dimensions of worldview: emotional-evaluative (values), cognitive (ideas) and activity (practices). It is shown that the field of religious and worldview orientations of Russian youth today is determined by strategies of a religious and eclectic nature, with some influence of agnostic, atheistic and paradoxical orientations. The main directions of further research are formulated.

Keywords: religious and worldview strategies, youth life strategies, youth of Russian regions, attitudes toward religion, life-meaning orientations

For citation: Lebedev S. D. Religious and worldview strategies of Russian youth. *Science. Culture. Society.* 2025;31(3):26–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.3.2>

References

1. Kisilenko A. V., Shapovalova I. S. Designing the course of life or how do youth see their future? *Sociological Studies.* 2023;(2):83–94. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250024385-6](https://doi.org/10.31857/S013216250024385-6).
2. Shapovalova I. S. Social strategies of regional youth: response to the challenges of difficult times. *Social Policy and Sociology.* 2024;23(4):73–83. (In Russ.). DOI [10.17922/2071-3665-2024-23-4-73-83](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-4-73-83).
3. Shapovalova I. S. Self-realization strategies of regional youth: dispositions, life plans and stratification. *Central Russian Journal of Social Sciences.* 2025;20(1):124–142. (In Russ.). DOI [10.22394/2071-2367-2025-20-1-124-142](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2025-20-1-124-142).
4. Lapin N. I., Belyaeva L. A., Naumova N. F., Zdravomyslov A. G. Dynamics of the values of the population of reformed Russia. Moscow: URSS; 1996. (In Russ.).
5. Bogatova O. A., Chujkova O. G. The dynamics of religiosity among provincial students. *Research Result. Sociology and Management.* 2025;11(2):63–84. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-5](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-5).
6. Zubok Yu. A. Risk in the social development of youth. *Social and humanitarian knowledge.* 2003;(1):147–162. (In Russ.).
7. Giddens A. The Consequences of Modernity. Moscow: Praksis; 2011. (In Russ.). ISBN 978-59015-7490-4.
8. Toshchenko Zh. T. Sociology of life: the search for answers to scientific and social challenges. In: Dmitriev A. V., Ivanov V. N., Toshchenko Zh. T. Sociological mosaic-2018. Moscow: KnoRus; 2018. P. 147–221. (In Russ.).
9. Seliverstova N. A., Zubok Yu. A. Religious identity in the semantic self-regulation of youth. *Research Result. Sociology and management.* 2023;9(2):127–144. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10).
10. Taylor Ch. A secular age. Moscow: BBI; 2017. (In Russ.). ISBN 978-5-89647-307-7.
11. Shapovalova L. V. Attitude to religion: sociological contexts of analysis. *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna.* 2022;11:68–76. (In Russ.).
12. Kublitskaya E. A. Methodological and methodical analysis of the correlation of religious and confessional self-identification (on the example of the studied subjects of the Russian Federation). *Research Result. Sociology and Management.* 2024;10(1):11–27. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2).
13. Rutkevitch E. D. "Sociology of spirituality": problems of creation. *Bulletin of the Institute of Sociology.* 2014;(2):36–65. (In Russ.).

14. Hervieu-Léger D. In search of certainties: The paradoxes of religiosity in societies of high modernity. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2015;33(1):254–268. (In Russ.).
15. Toshchenko Zh. T. Paradoxical man. 2nd ed. Moscow: Yuniti; 2008. (In Russ.).
16. Lem S. Filozofia przypadku. Moscow: AST; 2007. (In Russ.). ISBN 978-5-9762-3132-0.
17. Donati P. Relational theory of society: social life from a perspective of critical realism. Moscow: PSTGU; 2019. (In Russ.). ISBN 978-5-7429-1200-2.
18. Lebedev S. D. Paradox of religiousness in the world of Late Modernity. *Sociological Studies*. 2010;(12):85–93. (In Russ.).
19. Lebedev S. D. Value-reflexive (system-dynamic) approach to the justification of the criterion of modern religiosity. In: Glazyev S. Yu., Ryazantsev S. V., Kublitskaya E. A. (eds). *Secularization in the context of religious changes in modern society: col. of art*. Moscow: Ekon-Inform; 2018. P. 129–143. (In Russ.).
20. Kublitskaya E. A., Lebedev S. D. Religious situation in Belgorod region (monitoring research). *Social and humanitarian knowledge*. 2019;(6):160–180. (In Russ.).
21. Kaariainen K., Furman D. (eds). *New churches, old believers — old churches, new believers. Religion in Post-Soviet Russia*. Moscow, St Petersburg: Letnij sad; 2007. (In Russ.).

Received: 24.06.2025. Corrected: 29.07.2025. Accepted: 06.08.2025.

Author information:

Sergey D. Lebedev, Candidate of Sociology, Associate professor, Head of the Laboratory “Sociology of Religion, Culture and Communications” of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth of the Institute of Social Sciences and Mass Communications (IONiMK), Belgorod State University. Belgorod, Russia.

serg_ka2001-dar@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2545-4055